

«...И думать о красе ногтей»: маникюр в военной повседневности ленинградцев (1941–1945)

Е. Д. Твердюкова

В статье рассматривается тема бытовой повседневности жителей Ленинграда времен Великой Отечественной войны. Освещены вопросы деятельности предприятий коммунального обслуживания блокадного города, практики ухода за руками, работы мастеров по маникюру. Предпринимается попытка охарактеризовать состав клиентуры маникюрных салонов. Указанная проблематика рассматривается впервые в историографии на основе дневников ленинградцев, делопроизводственных документов и нормативно-правовых актов. Исследование позволило сделать вывод о том, что довоенная практика ухода за руками, являвшаяся частью концепта «культурности», сохранялась в ограниченном масштабе в годы войны и блокады. Потребителями соответствующих услуг были не только люди, имевшие доступ к продуктам. В ряде отраслей городского хозяйства (пищевой и табачной промышленности, торговле, общественном питании) был распространен так называемый санитарно-гигиенический маникюр. По мере улучшения продовольственного снабжения к услугам мастеров по маникюру все чаще прибегали и обычные горожане, что можно рассматривать как элемент возвращения к привычным повседневным практикам и возрождения городской бытовой культуры.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Ленинград, блокада, маникюр, парикмахерские, бытовое обслуживание.

Для цитирования: Твердюкова Е. Д. «...И думать о красе ногтей»: маникюр в военной повседневности ленинградцев (1941–1945) // История повседневности. – 2025. – № 2. – С. 48–66. DOI: 10.35231/25422375_2025_2_48. EDN: AHFKLD

Введение

Историография блокады Ленинграда чрезвычайно обширна. В новейшем библиографическом указателе литературы и источников по истории Ленинграда военных лет учтено более 10 тыс. публикаций на 14 языках, вышедших с 1941 по 2022 гг. [1]. Однако работы, посвященные блокадной повседневности, занимают среди них весьма скромное место¹. Основной причиной тому, как представляется, служит то, что традиционно в фокусе внимания историков находятся вопросы жизнеобеспечения ленинградцев в первый, наиболее тяжелый, год осады города. В таких исследованиях жизнь обычных людей, как правило, описывается как жизнь в катастрофе, в которой не находилось места привычным, в частности гигиеническим, практикам. Например, С. В. Яров, давший яркую иллюстрацию того, как выглядели «уставшие, обессиленные, опустошенные, даже утратившие волю к жизни» люди, объяснял отказ от привычки следить за своей внешностью и гигиеной зимой 1941/1942 гг. не только исчезновением цивилизованного быта, закрытием бань, парикмахерских, но и так называемой «моральной дистрофией» [5, с. 201]. При этом, детально описывая типичные лица, фигуру, походку блокадников, он не уделил внимания тому, как выглядели их руки. В дневниках современников тех событий соответствующие свидетельства также немногочисленны. Так, например, руки Е. И. Кочкиной, при бездействующем водопроводе вынужденной стирать пеленки своей дочки в воде из проруби, покрылись глубокими трещинами: «Видно мясо. Когда я погружаю их в ледяную воду, то вою от нестерпимой боли. Но это только в первый момент. Потом лучше». Руки своего 35-летнего мужа, не справившегося с работой на лесозаготовках, Кочина описывает как «бледные, покрытые грязью, с посиневшими ногтями – руки трупа» [6, с. 183, 187].

Разрушение коммунальной инфраструктуры, холод, необходимость выполнять тяжелую работу (пилить и колоть дрова, тушить «зажигалки» на крышах домов, участвовать в лесозаготовках и очистке города в рамках трудовых мобилизаций и т. п.) заставляли забывать о «красе ногтей». В дневнике литератора С. К. Островской 18 февраля 1942 г. появилась

¹ Среди современных авторов, активно и плодотворно разрабатывающих тему блокадной повседневности, прежде всего следует назвать В. Л. Панкевича и М. В. Ходякова [2; 3; 4 и др.].

запись: «Мои руки, красотой которых я всегда гордилась, стали обыкновенными руками занятой и неопрятной хозяйки. Ногти чистить надо ежеминутно, заусеницы, следы от ожогов. Желтизна от самокруток. Моя маникюрша Таиса – если когда-нибудь увижу вновь эту попечительницу моих рук в течение многих лет – не воскликнет больше, поглаживая мои пальцы:

– Ах, какие бархатные руки! Вот приятно работать!.. Сразу видно, что никогда ни кастрюльки не возьмете, ни даже чайной ложки не вымоете...

Теперь – все делаю и за все берусь» [7, с. 296].

В ходе настоящего исследования впервые в историографии предпринимается попытка ответить на вопрос, как ухаживали за руками жительницы Ленинграда военной поры, работали ли в городе маникюрные кабинеты и были ли доступны и востребованы услуги мастеров по маникюру.

Основными источниками при написании статьи послужили дневники жителей Ленинграда, делопроизводственные документы, отложившиеся в фондах Ленгоссовета и Управления предприятиями коммунального обслуживания Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (ЦГА СПб), Санкт-Петербургского научно-исследовательского института радиационной гигиены Центрального государственного архива научно-технической документации Санкт-Петербурга (ЦГАНТД СПб), нормативно-правовые акты, определявшие принципы работы бытовых предприятий.

Результаты

В контексте идеологии «бытового аскетизма», господствовавшей в СССР в 1920-е гг., уход за руками и за лицом с помощью декоративной косметики воспринимался негативно, как элемент буржуазного шика. В одной из брошюр, рекомендованной для чтения рабочей молодежи Ленинградским обкомом ВЛКСМ, проводился тезис, согласно которому косметика способствовала умалению личной и общественной ценности девушки-комсомолки: «Косметика – первая ступень *вниз* [курсив наш – Е. Т.]: вслед за ней, чаще – рядом, идут “флирт”, вечерушки, ранняя половая жизнь, неразбериха в личном быту вообще и плавный, но прогрессирующий отход не только от общественной работы, но от всякой общественной жизни вообще»

[8, с. 38]. Девушки, которые тратились на маникюр, были отнесены автором (врачом-гигиенистом) к категории «злостных косметич». По его наблюдению, они совершенно не участвовали в коллективных мероприятиях или же выполняли «чистомеханические» задачи (к примеру, собирали взносы).

Однако на рубеже 1920–1930-х гг. уход за кожей рук и ногтями стал рассматриваться не только как гигиеническая мера, но и неотъемлемая часть реализации программы «культурности» – важного императива сталинской повседневности, ориентированной в числе прочих на высокие стандарты индивидуального потребления. А идеология культурности стала одним из средств интеграции «низов» в систему квазиэлитарных ценностей [9, с. 199; 10, с. 104]. Один из постоянных авторов популярного «Женского журнала» доктор Аркадьин в 1929 г. констатировал, что редкая городская жительница хотя бы периодически не прибегала к маникюру. Призывая делать его раз в неделю, он критиковал моду использовать цветной лак, считая ее чрезвычайно вредной, ведущей к утончению и ломкости ногтевой пластины [11, с. 21].

Таким образом, уход за руками преподносился прежде всего как важное оздоровительное мероприятие для широких масс трудящихся. Среди некоторых категорий работников (например, в пищевой, табачной промышленности, торговле продовольственными товарами, общественном питании) пропагандировался так называемый производственный (санитарно-гигиенический) маникюр. Ногти при этом не покрывали лаком. Для придания им блеска проводилась полировка с помощью миндальной пасты или порошка. Миндальная паста для полировки ногтей состояла из миндальных отрубей, фиалкового корня, розовой воды и меда, порошок – из окиси цинка, талька, кармина и розового масла. Тонкий слой пасты наносили непосредственно на ногти, а порошок – на полессуаруюток, после чего ноготь полировался до блеска. Для отбеливания ногтей мастера по маникюру применяли жидкость из смеси воды, перекиси водорода и нашатырного спирта.

Вообще же ассортимент продуктов для ухода за ногтями не был велик. Помимо упомянутых средств, отечественные фабрики и артели выпускали лак для ногтей и жидкость для его снятия на основе ацетона. Лак изготовлялся из нитроклетчатки, раство-

ренной в ацетоне и амилацетате и подкрашенной искусственными красителями [12, с. 44]. Государственных стандартов на его рецептуру не существовало. Действовало только положение Наркомата здравоохранения РСФСР, согласно которому в красителях не должны были присутствовать соединения бария (кроме серноокислого), меди, мышьяка, ртути, свинца и хрома [13, с. 43].

Горожанки, не связанные по роду своей деятельности с ограничениями по использованию цветного лака, могли позволить себе один из нескольких его оттенков, производившихся в конце 1930-х гг.: перламутрового, розового или красного. Всего накануне Великой Отечественной войны отечественной промышленностью выпускалось пять номеров лаков [14, с. 28].

Должности маникюрш включались в штатные расписания парикмахерских. В 1935 г. в Ленинграде имелось 239 оборудованных мест для производства маникюра, официально трудоустроены были 332 мастера [15, с. 153, 157]. Санитарные правила работы коммунальных предприятий, разработанные в 1930-е гг., обязывали маникюрш соблюдать все гигиенические требования, перед каждым посетителем мыть руки с мылом, проводить дезинфекцию инструментов. Им запрещалось курить в рабочем помещении, вести посторонние разговоры между собой и с клиентами, принимать посетителей вне очереди и по знакомству, а также получать чаевые. Стоимость услуг зависела от разряда мастера. Первый разряд присваивался сотрудникам со стажем до одного года, выполнявшим работы по обрезке, запиливанию ногтей, обрезке заусениц и излишних наростов кожи, покрытию лаком и полировке ногтей. Маникюрши с опытом работы от одного до трех лет, проделывавшие те же операции, а также умевшие придать правильную форму ногтям (миндалевидную, полуострую или острую), удостоивались второго разряда. К высшему (третьему) разряду с 1944 г. относились мастера со стажем более трех лет, выполнявшие высокохудожественные работы по маникюру и умевшие составлять комбинированные сорта лака [16, с. 17–18].

Маникюрши должны были помнить, что «руки клиента предназначены для труда, а не для безделья», на них возлагалась почетная задача – воспитывать у советских женщин правильное понятие о красоте ногтей [17, с. 6]. Однако эффект от массированного внедрения культуры в широкие слои населения был

неоднозначен. С. К. Островская записала в дневнике 21 июля 1940 г.: «Вошь жрет социализм – обывательская вошь в образе многомиллионного советского мещанина. Жрет с наслаждением и с остервенением... сейчас “количественная подготовка” дает основание думать о переходе в новое качественное состояние чистых занавесок с геранями, маникюра, перманента и фокстрота, с самодовольным и микроскопическим кругозором семейной зажиточности и газетных прописных истин» [7, с. 244].

Однако с началом войны следовать устоявшимся привычкам ухода за собой, включая уход за руками и ногтями, становилось проблематичным, особенно в условиях блокады. Ассортимент парфюмерно-косметических изделий всех предприятий отечественной промышленности был существенно сокращен вследствие недостатка сырья. В частности, ввиду отсутствия парфюмерного масла, вазелина, церезина ленинградская фабрика № 4 Главпарфюмера ограничивалась выпуском стеариновых кремов нескольких наименований («Перламутровый», «Белая ночь», «Кольд-крем», «Шипр»). За 1942 г. было выпущено 97,9 тыс. штук «косметических изделий для защиты кожи от атмосферных влияний и смягчения кожных покровов», за 1943 г. – 172,8 тыс. штук [18, л. 18]. Выработка лака для ногтей и жидкости для его снятия была временно изъята из производственной программы фабрики. В ограниченном масштабе эту продукцию выпускали кустарные предприятия, например мастерская при Всесоюзном театральном обществе (ВТО) и артель «Трудовой химик». Пользуясь отсутствием стандартов, кустари изготавливали продукты крайне невысокого качества, что подтверждалось в ходе неоднократных проверок. Например, исследование лаборатории коммунальной гигиены, проведенное в 1944 г., показало, что лак для ногтей на 60 % состоял из цапонлака, смешанного с ацетоном и грушевой эссенцией. Внешне он выглядел как «мутная густая жидкость клюквенно-красного цвета» с осадком на дне, ложился неравномерно и долго сох. Растворитель для лака представлял собой чистый ацетон, разлитый по стеклянным пробиркам, закупоренным корковыми пробками и залитым смолкой [19, л. 183–186].

В этих условиях мастера по маникюру изготавливали самостоятельно лаки для ногтей и средства по уходу за руками. Так, основой для лака служил раствор целлулоида в ацетоне или других растворителях: кусочки киноплёнки, фотоплёнки или

рентгеновских снимков (7–8 частей) заливали растворителем (93–92 части) и оставляли в закупоренной посуде на несколько дней до получения однородной массы, затем массу разбавляли растворителем до консистенции жидкого лака и добавляли несколько капель касторового масла. Для придания цвета к этой массе добавляли анилиновые краски или краплаки [20, с. 67].

Согласно устоявшейся практике, места для производства маникюра располагались в парикмахерских, работавших в составе районных коммунальных отделов, а также кооперации: промышленной и городского союза кооперативных артелей инвалидов. Однако в отличие от довоенных лет, когда в парикмахерских имелись отдельные комнаты для маникюра (по крайней мере, в заведениях повышенного типа, оказывавших более широкий спектр услуг), в годы блокады все основные операции по уходу за волосами и руками клиентов сосредоточивались в общем рабочем зале. В подсобке обычно располагались вмазанный в печь бак для нагрева воды или керосинка, шкафы для одежды персонала и хранения белья и деревянный ящик для грязных полотенец и салфеток. Другие помещения были законсервированы или служили для складирования дров. Рабочие места мастеров по маникюру представляли собой низенькие столики, на которых располагалась покрытая салфеткой маленькая подушка, а сбоку ставилась чашка с теплой мыльной водой, в которую клиент опускал кончики пальцев для согревания и размягчения ногтей.

С 26 октября 1941 г. для общедоступных парикмахерских был установлен режим работы с 8 до 19 часов (по субботам – до 20 ч). В парикмахерских закрытого типа график определялся руководством предприятий и учреждений, при которых они функционировали. В связи с дефицитом электроэнергии, воды, топлива в первую блокадную зиму все они прекращали свою деятельность. 16-летняя школьница Нелли Черненко записала в дневнике 6 декабря 1941 г.: «Было 5 уроков. Хотела зайти в парикмахерскую сделать маникюр, но она закрыта, т. к. нет света»¹.

Ленгорисполком решением от 26 января 1942 г. обязал райисполкомы немедленно возобновить работу парикмахерских, обеспечив их электроэнергией и теплом [21, л. 271]. Как справедливо отметил С. В. Яров, руководство города заботила

¹ Черненко Н. Г. Дневник // Прожито: цифровой архив личных документов [Электронный ресурс]. URL: <https://corpus.prozhito.org/person/1966> (дата обращения: 10.01.2025).

прежде всего «завшивленность» населения, чреватая распространением эпидемий [5, с. 207]. Так что возможность делать маникюр «по-старому» (по выражению С. К. Островской) явилась побочным следствием санитарных мероприятий. Однако открытие предприятий бытового обслуживания происходило медленно. Из 437 парикмахерских, работавших в городе накануне войны, к 1 марта 1942 г. удалось восстановить работу только 91 [22, л. 5; 23, л. 18]. 22 марта 1942 г. С. К. Островская отметила в дневнике: «На Бассейной открылась парикмахерская со свободным доступом для всех граждан, где за 2 руб. можно сделать маникюр. Не иду» [7, с. 316].

К середине ноября 1942 г. в Ленинграде числилось 136 мастеров по маникюру, в том числе в системе РКО – 69, в системе Горкоопинсоюза – 8, в промкооперации – 59 [24, л. 3]. На 1 июля 1943 г. в Ленинграде имелось 198 действующих парикмахерских, в которых было оборудовано 143 места для маникюра [25, л. 44–45].

В связи с дефицитом электроэнергии с 5 ноября 1942 г. режим работы парикмахерских был установлен с 9 до 17 часов, для бесперебойного обслуживания населения города выделялись 45 дежурных заведений с удлинённым рабочим днем с 8 до 20.30 часов [23, л. 85; 26, л. 90]. Однако, как выявлялось в ходе проверок, большинство парикмахерских произвольно устанавливали часы своей работы. 26 ноября 1942 г. в Ленгорисполкоме были озвучены многочисленные факты, свидетельствующие о том, что за трудовой дисциплиной в предприятиях бытового обслуживания никто не следил, мастера систематически опаздывали, и никто не привлекал их за это к ответственности. Только в одной парикмахерской Выборгского района маникюрша и дамский мастер были отданы под суд за то, что ушли «неизвестно куда», пока посетители ожидали обслуживания [27, с. 336].

Из-за отсутствия лака для ногтей в продаже маникюрши доставали его или изготавливали самостоятельно, взимая с клиентов в свою пользу дополнительную плату, помимо вносившихся в кассу 2–2,50 р. Стоимость таких услуг была разная: «Одна берет (в Ленинском районе) 3 руб., другая (в Куйбышевском районе) 5 руб., третья (в Смольнинском районе) 1 руб.» [27, с. 337]. Городскими властями такая система взимания платы была названа «прямо обираловской», но противостоять установившейся практике в условиях отсутствия централизованного снабжения

коммунальных предприятий было сложно. Производство лака для ногтей на ленинградской парфюмерной фабрике № 4 удалось возобновить лишь в 1943 г. В течение года в фабричной лаборатории было разработано шесть оттенков лака (от розового до темно-вишневого), быстросохнувших (со скоростью высыхания до 1 минуты); три из них были выпущены в продажу [28, л. 10 об.].

Чтобы обеспечить соблюдение гигиенических правил, маникюрша была обязана на виду у каждого нового посетителя тщательно вымыть руки с мылом, сменить салфетку на подушке, на которой клиент держал руки, протереть все инструменты ватой, смоченной дезинфицирующим раствором (например, 3-процентным мыльно-карболовым раствором), ополоснуть чашку и налить в нее теплой воды, опустив туда кусочек мыла. Последнее требование обуславливалось технологией покрытия ногтей лаком, заключавшейся в том, чтобы теплый лак наносился на теплые ногти. Маникюршам рекомендовалось согревать руки клиента сухим теплом над электроплиткой, над лампочкой или в специальном электросушильном шкафчике. В блокадной действительности ввиду жесткого лимита электроэнергии обеспечить такие условия было невозможно. Поэтому большинство мастеров практиковали так называемую «мокрую просушку», в ходе которой лак наносился на холодные ногти, но для сохранения его блеска клиенту следовало погрузить руки в воду, подогретую до 30–40 градусов [17, с. 39]. При дефиците топлива горожанам порой приходилось нести в парикмахерскую свой собственный керосин, чтобы маникюрши могли провести необходимые процедуры.

Как показало проведенное в 1945 г. сотрудниками Научно-исследовательского санитарно-гигиенического института исследование, мастера по маникюру плохо знали санитарные правила, которым должны были следовать. При этом все опрошенные маникюрши (за исключением одной) чистосердечно признались, что довольно часто допускали порезы пальцев клиентов [29, л. 1 а]. В этой связи врачи-гигиенисты задались вопросом, насколько велик был риск возникновения гнойных и грибковых поражений кожи в ходе получения услуг по уходу за ногтями. Непосредственному санитарному осмотру было подвергнуто 30 рабочих мест маникюра в парикмахерских райкоммунотделов и артелей инвалидов, расположенных

в разных концах города. Было установлено, что лишь в единичных случаях мастера мыли руки при смене клиентов. Столь же редко дезинфицировали чашку и меняли салфетку, рабочие халаты нередко были несвежими. Лишь 2–3 маникюрши знали, каким раствором следовало обеззараживать инструменты, а большинство показывало на стоявшую на столике склянку без наклейки, часто грязную, которую они наполняли из бутылки с дезраствором, находившейся у заведующей. Еще хуже дело обстояло с кровоостанавливающими средствами. Несмотря на то что применение квасцов категорически запрещалось, маникюрши пользовались ими для остановки кровотечений при порезах. На вопрос о том, есть ли йод, всегда следовал ответ, что имеется, но находится в аптечном шкафчике и пользоваться им не приходится [29, л. 4].

Бактериологические исследования смывов с инструментов, рук маникюрш, полотенец и салфеток в ходе исследования 1945 г. не выявили патогенных грибков, но почти на всех объектах (за исключением рук маникюрш и ножниц) были обнаружены различные виды плесени, особенно на салфетках, служивших для обтирания рук клиентов. Согласно нормам расхода на инструмент, парфюмерию и материалы для парикмахерских в РСФСР, утвержденным в марте 1944 г., одному мастеру по маникюру полагалось 2 шт. кривых ножниц на три года, прямые ножницы для ногтей и кусачки для кожицы – по 1 шт. на два года, лопатка для сдвигания кожицы и копые для очистки ногтей – по 1 шт. на пять лет, кисточки колонковые – 2 шт. на один год, полиссуар для полировки ногтей – 1 шт. на три года; ежедневно должен был выдаваться 100-граммовый кусочек пемзы [16, с. 35]. Поскольку государственных мастерских по выпуску принадлежностей для парикмахерских и маникюрных кабинетов не имелось, а артели большей частью переориентировались на другую производственную программу, маникюрши были вынуждены работать своими собственными инструментами, сохранившимися с довоенной поры, ибо их нечем было заменить. Неудивительно в этой связи, что все без исключения проверенные в лаборатории санитарно-гигиенического института инструменты оказались заражены кокковыми формами бактерий, причем наибольшее их количество выявлялось на ножницах и кисточках для покрытия ногтей лаком. Всего было выделено

59 штаммов бактерий. Оценивая с санитарной точки зрения производство маникюра в ленинградских парикмахерских, сотрудники института назвали его небезопасным, констатируя ряд серьезных нарушений [29, л. 7]. Совершенно очевидно, что в годы блокады и по объективным причинам (нехватка электричества и топлива, бездействие водопровода и перебои в работе прачечных, призванных обеспечивать предприятия коммунального обслуживания чистым бельем), соблюдать гигиенические требования при операциях ухода за ногтями было практически невозможно. Следовательно, риск возникновения кожных заболеваний должен был оставаться высоким, однако врачи-дерматологи соответствующей статистики не вели.

Закономерен вопрос, насколько востребованы были услуги мастеров по маникюру в блокированном городе? К сожалению, отчеты о работе парикмахерских содержат лишь общую статистику посетителей, без детализации по видам оказанных услуг. Весьма вероятно, что этими возможностями не пренебрегали так называемые «блокадные жены», бывшие содержанками городских управленцев и директоров продуктовых распределителей и столовых, в то время как законные супруги последних находились в эвакуации. Как отметила американский историк А. Пери, сексуальные услуги стали (наряду с едой) валютой в осажденном Ленинграде. Это позволяло предприимчивым девушкам быть всегда хорошо одетыми, тщательно причесанными, с ярким маникюром [30, с. 186–187]. Ленинградцы действительно нередко упоминали в своих дневниках о женщинах, разительно отличавшихся от общей массы горожанок здоровым цветом лица («розовощекие девчонки, крепкие женщины, пахнущие здоровьем»), и задавались вопросом: «Кто помогает им, мужья или любовники?» [31, с. 59]. Как бы подразумевая второй ответ на этот вопрос, инспектор РОНО Л. К. Заболотская описала в конце августа 1942 г. типичную бытовую сцену: «...Я вижу легкий, изящный автомобиль, подъезжающий к Исполкому. Жирная туша Архипова [председателя райисполкома – Е. Т.] вылезает оттуда... букет цветов у него в руках... Букет одной из этих, накрашенных, завитых и наманикюренных “дам”» [32, с. 127].

Среди постоянных клиенток мастеров по маникюру, очевидно, были и сотрудницы баз, магазинов, столовых, о которых писал, например, начальник цеха завода им. Молотова И. А. Савин-

ков: «Работников, связанных с питанием, сразу можно отличить от всех остальных людей, живущих только на свою карточку. Это прежде всего жирная, упитанная туша, разодетая в шелка, бархат, модные ботинки, туфли. Золото в ушах, на пальцах, груди и обязательно часы...» [33, л. 59–59 об.]. Такие «аристократки от плиты» не отказывали себе в уходовых процедурах даже в самое тяжелое «смертное» время, когда парикмахерские бездействовали. К примеру, в январе 1942 г. директор столовой № 40 (на проспекте Володарского, 51а) была оштрафована санинспекцией Куйбышевского района за производство педикюра в рабочее время в варочном цехе, что являлось вопиющим нарушением санитарного режима [34, л. 15]. Архитектор Э. Г. Левина 5 мая 1942 г. зафиксировала в дневнике рассказ парикмахера: «Вы знаете, я уже 5 дней так сыта, меня каждый день приглашает клиентка – то причесать, то брови подкрасить; и на столе у нее и рыба, и каша, и кильки, и сыр, и масло, а хлеба – сколько угодно» [35, с. 169–170]. Закономерно предположить, что такой же спрос был и на услуги «на дому» мастеров по маникюру.

При этом было бы ошибкой считать, что уход за руками в осажденном Ленинграде остался уделом лишь «блокадных жен» и «аристократок от плиты». Судя по имеющимся свидетельствам, некоторые женщины стремились остаться красивыми даже в самый тяжелый период осады. Поэтесса О. Ф. Берггольц в ожидании встречи с новым возлюбленным 29 ноября 1941 г. записала в дневнике: «Вот теперь, пожалуй, я уехала бы из Ленинграда. Очень донимает голодовка... Вчера и сегодня интенсивный артобстрел (делала в “Астории” маникюр, а рядом рвались снаряды, на площади, но страшно не было)... мы хотим закатиться с Юрой “на баррикады” на всю ночь... мы сварим похлебочку из 3 картошек, выпьем очень маленькую бутылку водки, я одену Муськино зеленое платье, – я в нем чудесная, только бы опухоль к завтрашнему дню сошла с лица, я буду петь ему, читать стихи, говорить с ним, целовать его...» [36, с. 63]. Упоминания об уходе за руками встречаются и на других страницах «Блокадного дневника» поэтессы (например, 26 мая 1942 г.: «... можно было бы поработаться всласть... А я долго маникюрила ногти, мыла голову» [36, с. 225]).

Но для большинства горожан, очевидно, маникюр воспринимался как элемент оставшейся в прошлом мирной жиз-

ни. В условиях неопределенности своей дальнейшей судьбы психологически им было тяжело вспоминать об этом, и они не торопились восстанавливать свои привычки, даже если появлялась такая возможность. Это состояние хорошо описала С. К. Островская: «Как-то вечером зашла в свою комнату... Подойдя к туалету, почему-то открыла флакон французских духов (Ambre Molinard Paris), понюхала – и вдруг так остро и страшно затосковала, вспомнила, поняла, ощутила как сущее всю страшную и смертную тупость и узость теперешней своей жизни, ее безысходность, окольцованность, обреченность и ужас. От нежного и чужого уже запаха дорогих духов заметалась, как зверь в клетке, как раненая птица. Захотелось закричать: “Спасите, хоть кто-нибудь... я же погибаю...!”. Потом овладела собой и улыбнулась... Настроение вошло в обычную солдатскую рамку. Вспоминать не надо. Думать не надо. Читать стихи не надо. Слушать музыку не надо. И ни в коем случае не касаться флакона с заграничными духами...» [7, с. 322].

Яркий лак на ногтях стал для горожан одним из симптомов излечения от «моральной дистрофии». Писатель и военный корреспондент В. В. Вишневский, скрупулезно фиксировавший в дневнике бытовые «картины Ленинграда», записал свои впечатления от поездки по городу 9 июня 1942 г.: «Не забуду: вошла в трамвай молодая тощая девушка-контролер... Проверила билеты, молча стала у выхода... Взгляд усталый, грустный. И вдруг я увидел ее руку – исхудавшая, резко выделяются суставы, а ногти ярко-красные – маникюр... Это сочетание поразило...» [31, с. 172].

Многие горожане продолжали ухаживать за руками в гигиенических целях: в домашних условиях или на производстве. Так, М. Е. Салье, ставшая одним из лидеров ленинградского демократического движения на рубеже 1980–1990-х гг., вспоминала о своем детстве: «Во время блокады я начала ковырять пальцы вокруг ногтей, у меня были страшные заусенцы. ... на моих пальцах не было живого места... Чтобы отучить меня от этой привычки, Ина [вторая жена отца – Е. Т.] довольно регулярно делала мне маникюр, конечно, без лака» [37, с. 151]. На табачной фабрике им. Урицкого, в штате которой состояли преимущественно женщины, весной 1942 г. наряду с сапожной и пошивочной мастерскими, пунктом по приему белья в стирку

была возобновлена и работа парикмахерской с возможностью сделать маникюр. В декабре 1943 г., фабричная радиостанция сообщила, что общественности удалось добиться установления единых прейскурантных цен за обслуживание: за маникюр с покрытием следовало уплатить 2,50 руб., причем отдел рабочего снабжения фабрики категорически запретил маникюрше употреблять свой лак [38, л. 72 об.].

В источниках встречаются упоминания о том, что уход за ногтями практиковали и мужчины. Литератор и педагог М. Ю. Кричевский записал в дневнике 3 сентября 1942 г.: «...Зашел побриться, увидел, что у маникюрши нет очереди и срезал свои чудовищные когти и заросли мяса на них»¹. Э. Г. Левина как элемент возвращения довоенного тренда на «культурность» отметила в январе 1944 г. наличие мужчин-военнослужащих среди клиентов парикмахерских: «Майоры из пастушков делают маникюр, ждут денщиков, забывают колхозных жен и тянутся к “культурным девушкам”» [35, с. 212].

Обсуждение и выводы

Таким образом, маникюр, вошедший в повседневную жизнь горожан в 1930-е гг., практиковался и в годы войны и блокады. Имеющиеся источники не позволяют с достоверностью оценить количество тех, кто делал его регулярно и систематически. Даже если бы в нашем распоряжении имелись данные о количестве клиентов, обслуженных маникюршами в парикмахерских, они не отражали бы полной картины, так как, очевидно, некоторые категории населения имели возможность получать соответствующий сервис у себя на дому. Конечно, в тяжелейшее «смертное» время возможностей и желания ухаживать за руками у большинства ленинградцев не имелось. Услуги маникюрш были востребованы в основном со стороны тех, кто имел доступ к продовольственным ресурсам и мог расплатиться дефицитными продуктами. По мере улучшения положения в городе, примерно с лета 1942 г., уход за собой стал способом выздоровления от «моральной дистрофии». Свою роль, возможно, сыграла и привычка к экстремальности, сделавшая возможным возвращение в блокадную повседневность забытых было «мирных» практик:

¹ Кричевский М. Ю. Дневник // Прожито: цифровой архив личных документов [Электронный ресурс]. URL: <https://corpus.prozhito.org/person/6559> (дата обращения: 10.01.2025).

«Что делают люди во время обстрелов и тревог?.. Люди ходят по улицам и продолжают свою обычную жизнь каждого дня... Глухая Людмила делает маникюр мне и Татике», – записала 27 января 1943 г. С. К. Островская [7, с 396–397]. Даже ставшая привычной тяжелая работа уже не становилась препятствием к тому, чтобы следить за собой. Е. С. Гриц, служившая в местной противовоздушной обороне и принимавшая участие в разборке разрушенных зданий, восстановлении трамвайных линий, очистке города, записывала о своем посещении парикмахерской как бы между делом: «В субботу 10 июля 1943 г. я вымыла голову в тазу в школе, а поэтому, когда в воскресенье утром в 6 часов все пошли в баню, я убежала с Розой в парикмахерскую, сделали мы маникюр, я осталась делать прическу... Я долго задержалась там и меня чуть не лишили увольнительной на воскресенье – “с ломом в руках и лопатой”» [39, с. 222]. В конечном счете стремление следить за собой и «думать о красе ногтей» как о чем-то обычном, повседневном, свидетельствовало о возрождении городской бытовой культуры.

Список литературы

1. Ленинград в годы Великой Отечественной войны: библиогр. указ. литературы и источников, 1941–2022 гг. / отв. сост. А. Ю. Стефаненко. СПб.: Нестор-История, 2023. 772 с. EDN: PCJGTB
2. Пянкевич В. Л. По разные стороны прилавка. Продавцы и покупатели блокадного Ленинграда // Вестник Пермского университета. – История. – 2024. – № 1. – С. 148–157. EDN: DWKBVY
3. Пянкевич В. Л. Разговоры, сны и мечты жителей блокадного Ленинграда. 1941–1944 // Новейшая история России. – 2023. – Т. 13. – № 3. – С. 569–583. EDN: IKGTCG
4. Ходяков М. В. Беженцы в Ленинграде и жилищная политика городских властей на начальном этапе войны и блокады // Quaestio Rossica. – 2022. – Т. 10. – № 2. С. 455–468. EDN: QWFGYZ
5. Яров С. В. Повседневная жизнь блокадного Ленинграда. СПб.: Изд-во Европейского ун-та, 2023. 302 с.
6. Кочина Е. И. Блокадный дневник // Память: исторический сборник. – М.; Париж: Ymca-Press, 1981. – Вып. 4. – С. 153–208.
7. Островская С. К. Дневник. 2-е изд. М.: НЛЮ, 2018. 752 с.
8. Каган А. Как молодежь расходует и как надо расходовать получку. Л.: Прибой, 1928. 93 с.
9. Волков В. В. Концепция культурности, 1935–1938 годы: советская цивилизация и повседневность сталинского времени // Социологический журнал. – 1996. – № 1–2. – С. 194–213. EDN: UCMTQF
10. Клинова М. А. Концепция «культурности» в социальной политике второй половины 1930-х годов // Человек. – 2017. – № 4. – С. 94–105. EDN: ZCPEVN
11. Аркадьин. Гигиенический уход за руками // Женский журнал. – 1929. – № 11. – С. 21.
12. Вишневский И. П. Парфюмерно-косметические товары: пособие для студентов. Харьков: тип. им. Фрунзе, 1946. 48 с.
13. Минкина Р. В., Калиниченко И. А. Косметика. М.; Л.: Пищепромиздат, 1937. 189 с.

14. Гайсинович Д. Н. Товароведение и техника торговли парфюмерно-косметическими товарами. М.; Л.: Пищепромиздат, 1941. 72 с.
15. Семериков П. В. Санитарное состояние парикмахерских города Ленинграда // Сборник работ Научно-исследовательской лаборатории коммунальной гигиены Ленгорздра-вотдела. – Вып. 2. – Л.: Изд-во лаборатории коммунальной гигиены, 1938. С. 152–164.
16. Сборник правил, положений и инструкций по парикмахерскому хозяйству. М.; Л.: Изд-во Наркомхоза РСФСР, 1944. 48 с.
17. Рыцерж А. Е. Краткое руководство для маникюров. Киев: Госмедиздат УССР, 1958. 56 с.
18. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 1222. Оп. 4. Д. 230.
19. Центральный государственный архив научно-технической документации Санкт-Петербурга (ЦГАНТД СПб). Ф. 285. Оп. 1–1. Д. 9.
20. Кольгуненко И. И. Уход за кожей рук, ног и за ногтями: пособие для маникюров. М.: Изд-во Минкоммунхоза РСФСР, 1961. 86 с.
21. ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 18. Д. 1437.
22. ЦГА СПб. Ф. 3200. Оп. 7. Д. 111.
23. ЦГА СПб. Ф. 3200. Оп. 7. Д. 57.
24. ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 13. Д. 138.
25. ЦГА СПб. Ф. 9448. Оп. 1. Д. 48.
26. ЦГА СПб. Ф. 3200. Оп. 7. Д. 58.
27. Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского Совета. Записи обсуждений, замечаний к проектам, решения. Ноябрь 1941–декабрь 1942 гг.: сб. док. СПб.: Арт-Экспресс, 2017. 439 с.
28. ЦГА СПб. Ф. 4965. Оп. 1. Д. 1073.
29. ЦГАНТД СПб. Ф. 285. Оп. 2–1. Д. 183.
30. Peri A. Queues, Canteens, and the Politics of Location in Diaries of the Leningrad Blockade, 1941–1942 // *Hunger and War: Food Provisioning in the Soviet Union During World War II* / Ed. by Wendy Z. Goldman and Donald Filtzer. Bloomington: Indiana University Press, 2015. Pp. 158–205.
31. Вишневский В. В. Ленинград. Дневники военных лет: в 2 кн. Кн. 1. М.: Воениздат, 2002. 317 с.
32. Заболотская Л. К. Дневник 23 августа 1942–6 июня 1943 гг. // *Человек в блокаде. Новые свидетельства* / отв. ред. В. М. Ковальчук. СПб.: Остров, 2008. С. 126–144.
33. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. 4000. Оп. 11. Д. 99.
34. ЦГА СПб. Ф. 9814. Оп. 1. Д. 174.
35. Левина Э. Г. Дневник. 12 января 1942–23 июля 1944 // *Человек в блокаде. Новые сви-детельства* / отв. ред. В. М. Ковальчук. СПб.: Остров, 2008. С. 145–213.
36. Берггольц О. Ф. Блокадный дневник (1941–1945). СПб.: Вита Нова, 2015. 556 с.
37. Салье М. Е. Ностальгия. Кн. 1. СПб.: РИД, 2014. 421 с.
38. ЦГАИПД СПб. Ф. 81. Оп. 2. Д. 165.
39. Гриц Е. С. «Нет, нет и нет. Ещё не время...»: Блокадный дневник Лены Гриц. СПб.: ГАЛАРТ, 2021. 488 с.

“...And Think About the Beauty of Your Nails”: Manicure in the Military Everyday Life of Leningrad Residents (1941–1945)

Elena D. Tverdyukova

The article deals with the issues of everyday life of Leningrad residents during the Great Patriotic War. The questions of activity of public service enterprises of the besieged city, the practice of hand care, the work of manicure masters are covered. An attempt to characterize the composition of the clientele of manicure salons is made. The mentioned problems are investigated for the first time in historiography on the basis of diaries of Lenin-

grad residents, office documents and normative-legal acts. The study allows us to conclude that the pre-war practice of hand care, which was part of the “culturnost” concept, was preserved on a limited scale during the war and blockade. Consumers of the relevant services were not only people who had access to food. In addition to so-called sanitary manicure, which was compulsory for workers in a number of sectors of urban economy (food and tobacco industry, trade and catering), as the food supply improved, the services of manicurists were increasingly used by ordinary citizens, which can be seen as an element of return to familiar everyday practices and revival of urban everyday culture.

Key words: Great Patriotic War, Leningrad, blockade, manicure, hairdressing salons, consumer services.

For citation: Tverdyukova, E. D. (2025) «... I dumat' o krase nogtej»: manikjur v voennoj povsednevnosti leningradcev (1941–1945) [“...And Think About the Beauty of Your Nails”: Manicure in the Military Everyday Life of Leningrad Residents (1941–1945)]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 2. Pp. 48–66. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2025_2_48. EDN: AHFKLD

References

1. Stefanenko A. Yu., ed. (2023) *Leningrad v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: bibliogr. ukaz. literatury i istochnikov, 1941–2022 gg.* [Leningrad during the Great Patriotic War: bibliographic index of literature and sources, 1941–2022]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. (In Russ.)
2. Pjankevich, V. L. (2024) Po raznye storony prilavka. Prodavcy i pokupateli blokadnogo Leningrada [On different sides of the counter. Sellers and buyers of besieged Leningrad]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya* [Herald of Perm University. History]. No. 1. Pp. 148–157. (In Russ.)
3. Pjankevich, V. L. (2023) Razgovory, sny i mechty zhitelej blokadnogo Leningrada. 1941–1944 [Conversations, Dreams and Desires of the Inhabitants of Besieged Leningrad. 1941–1944]. *Novejšaja istorija Rossii* [Modern History of Russia]. Vol. 13. No. 3. Pp. 569–583. (In Russ.)
4. Khodyakov, M. V. (2022) Bezhency v Leningrade i zhilishhnaja politika gorodskih vlastej na nachal'nom jetape vojny i blokady [Refugees in Leningrad and City Housing Policy in the Initial Stage of the War and the Blockade]. *Quaestio Rossica* [Quaestio Rossica]. Vol. 10. No. 2. Pp. 455–468. (In Russ.)
5. Jarov, S. V. (2023) *Povsednevnaia zhizn' blokadnogo Leningrada* [Daily life of besieged Leningrad]. St. Petersburg: European University Publishing House. (In Russ.)
6. Kochina, E. I. (1981) Blokadnyj dnevnik [Blockade diary]. *Pamjat': istoricheskij sbornik* [Memory: a historical compendium]. Vol. 4. Moscow, Paris: Ymca-Press. Pp. 153–208. (In Russ.)
7. Ostrovskaja, S. K. (2018) *Dnevnik* [Diary]. 2 ed. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)
8. Kagan, A. G. (1928) *Kak molodezh' rashoduët i kak nado rashodovat' poluchku* [How young people spend and how they should spend their paychecks]. Leningrad: Priboj. (In Russ.)
9. Volkov, V. V. (1996) Konceptcija kul'turnosti, 1935–1938 gody: sovetskaja civilizacija i povsednevnost' stalinskogo vremeni [The Concept of Culturality, 1935–1938: Soviet Civilization and Everyday Life in Stalin's Time]. *Sociologicheskij zhurnal* [Sociological Journal]. No. 1–2. Pp. 194–213. (In Russ.)
10. Klinova, M. A. (2017) Konceptcija «kul'turnosti» v social'noj politike vtoroj poloviny 1930-h godov [The concept of “culturalism” in social policy in the second half of the 1930s]. *Man* [Chelovek]. No. 4. Pp. 94–105. (In Russ.)
11. Arkad'in (1929) Gigienicheskij uhod za rukami [Hygienic care for hands]. *Zhenskij zhurnal* [Women's Journal]. No. 11. P. 21. (In Russ.)
12. Vishnevskij, I. P. (1946) *Parfumno-kosmeticheskie tovary: posobie dlja studentov* [Perfume and cosmetic goods: manual for students]. Kharkov: Frunze printing house. (In Russ.)
13. Minkina, R. V., Kalinichenko, I. A. (1937) *Kosmetika* [Cosmetics]. Moscow; Leningrad: Food publishing house. (In Russ.)

14. Gajsinovich, D. N. (1941) *Tovarovedenie i tehnika trgovli parfumerno-kosmeticheskimi tovarami* [Commodity science and technique of trade in perfumes and cosmetics]. Moscow; Leningrad: Food publishing house. (In Russ.)

15. Semerikov, P. V. (1938) Sanitarnoe sostojanie parikmaherskih goroda Leningrada [Sanitary condition of barbershops in the city of Leningrad] *Sbornik rabot Nauchno-issledovatel'skoj laboratorii kommunal'noj gigieny Leningradskogo gorodskogo zdravotdela* [Collection of works of the Research Laboratory of Communal Hygiene of the Leningrad City Health Department]. Issue. 2. Leningrad: izd-vo laboratorii kommunal'noj gigieny. Pp. 152–164. (In Russ.)

16. *Sbornik pravil, polozhenij i instrukcij po parikmaherskomu hozjajstvu* (1944) [Collection of rules, regulations and instructions on hairdressing]. Moscow; Leningrad: Commissariat of National Economy RSFSR. (In Russ.)

17. Rycerzh, A. E. (1958) *Kratkoe rukovodstvo dlja manikjursh* [Brief guide for manicurists]. Kiev: State medical publishing house USSR. (In Russ.)

18. *TSentral'nyj gosudarstvennyj arhiv Sankt-Peterburga* [Central State Archive of St. Petersburg] (hereinafter – TSGA SPb). F. 1222. Op. 4. D. 230.

19. *TSentral'nyj gosudarstvennyj arhiv nauchno-tehnicheskoy dokumentacii Sankt-Peterburga* [Central State Archive of Scientific and Technical Documentation of St. Petersburg] (hereinafter – TSGANTD SPb). F. 285. Op. 1–1. D. 9.

20. Kol'gunenko, I. I. (1961) *Uhod za kozhej ruk, nog i za nogtjami: posobie dlja manikjursh* [Care for the skin of hands, feet and nails: manual for manicurists]. Moscow: publishing house of the Ministry of Communal Services of the RSFSR. (In Russ.)

21. TSGA SPb. F. 7384. Op. 18. D. 1437.

22. TSGA SPb. F. 3200. Op. 7. D. 111.

23. TSGA SPb. F. 3200. Op. 7. D. 57.

24. TSGA SPb. F. 7384. Op. 13. D. 138.

25. TSGA SPb. F. 9448. Op. 1. D. 48.

26. TSGA SPb. F. 3200. Op. 7. D. 58.

27. *Stenogrammy zasedanij ispolkoma Leningradskogo gorodskogo Soveta. Zapisi obsuzhdenij, zamechanij k proektam, reshenija. Nojabr' 1941–dekabr' 1942 gg.* (2017) [Transcripts of meetings of the Executive Committee of the Leningrad City Council. Records of discussions, comments on drafts, decisions. November 1941–December 1942: collection of documents]. St. Petersburg: Art-Express. (In Russ.)

28. TSGA SPb. F. 4965. Op. 1. D. 1073.

29. TSGANTD SPb. F. 285. Op. 2-1. D. 183.

30. Peri A. Queues, Canteens, and the Politics of Location in Diaries of the Leningrad Blockade, 1941–1942. Hunger and War: Food Provisioning in the Soviet Union During World War II. Ed. by Wendy Z. Goldman and Donald Filtzer. Bloomington: Indiana University Press, 2015. Pp. 158–205.

31. Vishnevskij, V. V. (2002) *Leningrad. Dnevniky voennyh let* [Diaries of the war years]. In 2 books. Book 1. Moscow: Voenizdat. (In Russ.)

32. Zabolotskaya, L. K. (2008) Dnevnik 23 avgusta 1942 – 6 ijunya 1943 gg. [Diary of August 23, 1942 – June 6, 1943]. *Chelovek v blokade. Novye svidetel'stva* [Man in the Blockade. New Evidence]. Ed. by V. M. Kovalchuk. St. Petersburg: Ostrov. Pp. 126–144. (In Russ.)

33. *Central'nyj gosudarstvennyj arhiv istoriko-politicheskikh dokumentov Sankt-Peterburga* [Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg] (hereinafter – TSGAIPD SPb). F. 4000. Op. 11. D. 99.

34. TSGA SPb. F. 9814. Op. 1. D. 174.

35. Levina, E. G. (2008) Dnevnik. 12 janvarja 1942–23 ijulja 1944 [Diary. January 12, 1942–23 July 1944]. *Chelovek v blokade. Novye svidetel'stva* [Man in the blockade. New Evidence]. Ed. by V. M. Kovalchuk. St. Petersburg: Ostrov. Pp. 145–213. (In Russ.)

36. Berggol'ts, O. F. (2015) *Blokadnyj dnevnik (1941–1945)* [Blockade Diary (1941–1945)]. St. Petersburg: Vita Nova. (In Russ.)

37. Sa'le, M. E. (2014) *Nostal'gija* [Nostal'gija]. Book 1. St. Petersburg: RID. (In Russ.)

38. TSGAIPD SPb. F. 81. Op. 2. D. 165.

39. Gric, E. S. (2021) «Net, net i net. Eshhjo ne vremja...»: *Blokadnyj dnevnik Leny Gric* [“No, no, and no. It's not time yet...”: Lena Gritz's Blockade Diary]. St. Petersburg: Galart. (In Russ.)

Об авторе

Твердюкова Елена Дмитриевна, доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей истории России, Санкт-Петербургский государственный университет; ведущий научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории, лаборатория «История блокады Ленинграда», Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: e.verdyukova@spbu.ru; ORCID ID: 0000-0003-4415-2279

About the author

Tverdyukova Elena D., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Modern Russian History, St. Petersburg State University; Leading Researcher, St. Petersburg Institute of History, Laboratory «History of the Siege of Leningrad», St. Petersburg, Russian Federation; e-mail: e.verdyukova@spbu.ru; ORCID ID: 0000-0003-4415-2279

*Статья поступила в редакцию 15.01.2025
Одобрена после рецензирования 10.02.2025
Принята к публикации 18.02.2025*